

Хуан Сянь поспешно прижала к себе кошель. Под дружный хохот собравшихся она обиженно ворчала:

— Служанки — тоже свободные люди! Законы Великой Чжоу защищают наши права. Это мои деньги!

Ху Юньлин хихикнула:

— Сяо Хуансянь, ну одолжи ты немного Сяо Цзю. Отдаст вдвойне, как только отыграется. Делов-то!

— Ого, а Седьмая барышня дело говорит! Сразу видно — купеческая жилка. Держи, А-Пэй!

Хуан Сянь протянула ему крупную жемчужину, которую только что выиграла у самой же Юньлин.

Ху Пэй качнул головой, отказываясь, и лишь кивнул на стол, побуждая её делать ставку.

Сяо Хуансянь расплылась в улыбке и лукаво прищурилась. Недолго думая, она хлопнула по начертанному на столе иероглифу «Большое» туго набитым монетами кошельком и той самой жемчужиной.

— Большое! — выдохнула она.

Стоявшие за её спиной тут же потянулись следом, выкладывая свои ставки на «Большое». Ху Кунь воровато присовокупил к общей куче увесистый серебряный слиток.

Сидевшая напротив Ху Юньшань прыснула со смеху и поддразнила его:

— Никак старший брат выгреб все свои заначки?

— Ну что ты, — усмехнулся Ху Кунь, довольно сощурившись. — Твоя невестка весьма бережлива и позволяет мне держать при себе немного на мелкие расходы.

Минчжао затаил дыхание и медленно поднял игральный стакан. Увидев выпавшие кости, он с трудом сглотнул и заплетающимся языком произнес:

— Четыре... пять, шесть... Всего пятнадцать очков. Большое!

Он вытаращил глаза и украдкой покосился на Ху Тана.

«Чертовщина какая-то», — испуганно подумал слуга.

Ху Юньшань раздосадованно топнула ножкой. Все её скромные сбережения уплыли на противоположную половину стола. Она незаметно потянула за рукав Ху Тана — своего родного брата по матери.

Тот, уже вконец потеряв терпение, грубо отмахнулся от сестры. Сделав Минчжао многозначительный знак глазами, Ху Тан нацепил на лицо деланую улыбку и зычно крикнул ликующим победителям, сгребавшим выигрыш:

— Ну же, сдавай! Еще разок, погнали!

Минчжао снова затряс стаканом. Заметив, что вошедшая в азарт Хуан Сянь опять тянется к «Большому», Ху Тан резко выставил ладонь:

— Погоди...

Почувствовав на себе удивленные взгляды, он торопливо сгреб свои монеты и швырнул их на то же поле.

— На этот раз «Большое» ставим мы!

— Ой-ой-ой... Неужто третий брат не умеет проигрывать? — ядовито поддевала его Ху Юньлин. Отыграв всё потерянное ранее, она пребывала в превосходном расположении духа.

— Подумаешь! С нами вообще-то шестой брат! — строптиво фыркнула Ху Юньшань.

Ху Юньлин лишь беззаботно рассмеялась.

«Тоже мне, защитница книжного червя, — мысленно усмехнулась она. — У твоего Ху Яна в карманах ветер гуляет, куда ему до твоего братика, который сейчас спустит последнее».

Перехватив чужую ставку, Ху Тан самодовольно ухмыльнулся, уверенный в близкой победе. Минчжао затаил дыхание и приподнял стакан.

— Два, три, четыре... Малое.

Слуга побледнел.

— Как же так?.. Молодой господин...

Их сторона снова с треском проиграла.

Ху Тан побагровел от ярости и смерил Минчжао испепеляющим взглядом. Тяжело дыша, он запустил руку за пазуху, выхватил государственное казначейское обязательство Великой Чжоу достоинством в целых тридцать лянов и с размаху припечатал его к столу:

— Ну же! Слабо продолжить?!

— Брат, хватит, пойдём отсюда, — взмолилась Юньшань, пытаясь увести его за руку, но Ху Тан резко рванулся, едва не сбив её с ног.

Девушка покачнулась, обиженно фыркнула и, бросив на ходу: «И делай что хочешь! Вот получишь на орехи от матушки, тогда узнаешь!», сердито зашагала обратно к чайному столику.

Ху Пэй прищурился и слегка склонил голову набок, переводя взгляд на старшего брата. Руки Ху Куня, собиравшего выигрыш, заметно подрагивали от возбуждения, но он жадно ухмыльнулся. Заметив это, Ху Пэй тоже едва заметно улыбнулся.

— Хуан Сянь, заberi то, что одолжила мне, — ровным голосом произнес Ху Пэй. — А выигранное пусти в оборот. Да смотри, сыграй с умом, чтобы забрать побольше.

— Сделаем в лучшем виде, А-Пэй! Положись на меня! — Хуан Сянь звучно шлепнула горсть серебряного лома на стол и вызывающе крикнула: — Ну что, третий молодой господин? Не говорите потом, что девчонка обобрала взрослого мужа. Продолжаем?

Ху Тан заскрежетал зубами. Азарт окончательно затуманил ему разум. Бесцеремонно оттолкнув Минчжао, он сам схватил игровой стакан.

— Еще бы не продолжать! Чтобы я да не переиграл какую-то соплюху? Да скорее раки на горе свистнут! Кто трусит, тот последний трус и червь навозный!

Увидев, как Хуан Сянь лихо засучивает рукава, Ху Кунь поспешил вмешаться:

— Полно вам, братья и сестры. У нас ведь тихий семейный вечер, к чему эти страсти? Не стоит горячиться.

— До чего же ты нудный, старший брат, — фыркнула Ху Юньлин, демонстративно проигнорировав то, как потемнело лицо Ху Куня. — Гребь себе серебро и помалкивай. Все ведь знают, что матушка тебя не балует карманными расходами, да и жена твоя — девица из приличной и строгой семьи, лишнего тратить не позволит.

Лицо Ху Куня сделалось мрачнее грозовой тучи. Он перевел взгляд с Ху Тана на Ху Чэня, с трудом подавляя kloкочущую обиду. Натянув вымученную улыбку, он пробормотал:

— Все мы здесь родные люди, к чему эти счеты... Может, действительно закончим на сегодня?

Но Ху Юньлин лишь небрежно толкнула кончиком веера кучку монет, лежащую на «Большом».

— С какой стати? У нас, торговцев, есть золотое правило: хочешь сохранить дружбу — считай деньги врозь. Разве не так, третий брат?

Ху Тан даже не взглянул в сторону старшего брата, лишь презрительно фыркнул. Его мать была законной супругой главы второй ветви и дочерью младшего министра образования. Род их был знатен, богат и превосходил богатством саму семью Ху. Подумаешь, тридцать лянов на бумаге да еще двадцать проигранного серебра! Стоило ли вообще убиваться из-за несчастных пятидесяти лянов?

— Сдавай! — приказал он. — А ты, Седьмая, не зарывайся. Не думай, будто наша ветвь уступит вашей.

Ху Кунь слушал их препирательства с растущей тревогой. Ситуация складывалась скверная. Он, старший сын второй ветви, из-за глупости Ху Тана фактически оказывался отрезанным от своих же и прижатым к третьей ветви. Взгляд Ху Куня потемнел от злости. Он посмотрел на Ху Пэя, безмятежно сидевшего на скамье, и по спине его пробежал внезапный холодок.

«Да ведь их просто обвели вокруг пальца! Этот сопляк Ху Пэй намеренно стравливал братьев второй ветви. И судя по упрямству Ху Тана, ловушка захлопнулась идеально».

У Ху Куня голова пошла кругом. Он поспешно крикнул:

— Может быть, всё-таки...

— Старший брат, ты ставить будешь или как? — нетерпеливо перебил его Ху Чэнь, который пострадал не меньше и теперь буквально жаждал отыграться. Почти всё его скудное жалованье перекочевало в карманы соперников.

— Тебе ведь еще до Нового года нужно устроить прием для чиновников низшего ранга из твоей управы! Думаешь, угощения тебе бесплатно достанутся? — в сердцах крикнул он.

Вокруг раздались смешки и ехидное перешептывание.

Ху Кунь мысленно проклял невоздержанного на язык брата. Понимая, что глупо попался на удочку Ху Пэя, и видя, что собственные родичи выставляют его нищепродом перед всеми, он

ожесточился. «Да пропади оно всё пропадом!» — решил он про себя и с досадой швырнул монеты туда же, куда поставила Хуан Сянь. В конце концов, он выигрывал, а не проигрывал. Какая разница, чьи чувства будут задеты?

Спустя еще несколько конов даже осторожная Ху Юньшань пристроилась ставить вслед за Хуан Сянь, без зазрения совести обирая собственного брата Ху Тана. Ху Кунь набил кошель до отказа, и от его недавней досады не осталось и следа. Кому какое дело до братских чувств и семейной верности, когда серебро само течет в руки?

Бедный как церковная мышь Ху Ян первым вышел из игры. Заметив, что Ху Пэй незаметно покинул шумную беседку, он подхватил фонарь и поспешил за ним.

Ху Пэй замедлил шаг, поджидая брата. Оглянувшись, он убедился, что за ними никто не идет: даже слуги и служанки с головой ушли в азартную игру у стола.

— Всё спустил? — понимающе усмехнулся он.

— А кто виноват? Сам же усадил меня к третьему брату! Естественно, я остался без гроша в кармане, — проворчал Ху Ян.

Доносившиеся из павильона крики «Большое!», «Малое!», «Вскрывай!» заставили его лишь сокрушенно покачать головой.

— Бесовское это занятие. Стоит раз оступиться — и пойдешь по миру с сумой.

Ху Пэй опустил Фэйбая на снег и не спеша пошел следом за белым лисом. Слова Ху Яна его удивили. Обычно шестой брат казался простоватым и прямодушным, но простота, как выяснилось, вовсе не означала глупость.

— Слышал я, будто в Золотой столице, на Террасе Крика Журавля, под эти кости выстроили чуть ли не целые залы, — продолжал рассуждать Ху Ян. — А еще там играют в пайцзю, устраивают петушиные и собачьи бои, а за городом открыли ипподром для скачек... Страшное дело. Этот азарт людей до цугундера доведет.

Он глубокомысленно кивнул собственным мыслям, но тут же подозрительно прищурился:

— Постой-ка. А ты-то откуда всё это так хорошо знаешь? Не иначе как этот шалопай Чао Цо тебя дурному учит?

Ху Пэй усмехнулся. Заметив, как поплотнее запахивает рукава зябнувший Ху Ян, он негромко

обронил:

— Скорее уж это я наставляю его на путь истинный. Впрочем... неважно.

Ху Яну жутко не понравилось, что брат не договаривает.

— Куда мы вообще идем? — спросил он, оглядываясь. — За той аркой начинается задний двор Западного сада. Там же глушь несусветная, всё заброшено. Твой лис что, решил место для нужды найти?

Плывущая в теле зверя крошечная частица души Повелителя Грома заставила чуткие лисьи уши вздрогнуть. Фэйбай резко обернулся, уставившись на Ху Яна горящими алым огнем глазами.

Среди безмолвия заснеженного сада, где уже не было слышно шума праздничного павильона, этот зловещий рубиновый взгляд под бледным лунным светом выглядел по-настоящему жутко.

Ху Ян невольно отшатнулся и поспешил пристроиться поближе к Ху Пэю.

— Ну и зверюга у тебя... Аж мороз по коже.

— Ты такой огромный, что за моей спиной всё равно не спрячешься, — спокойно ответил Ху Пэй. — И зря ты так на него наговариваешь, он вполне покладистый.

Они миновали полукруглый проем в кирпичной стене. Под ногами сухо заскрипел нетронутый наст. Прямо скажем, прогулка намечалась не из приятных.

Сад встретил их глухой, мрачной темнотой. Единственным источником света оставался тусклый фонарь в руке Ху Яна, выхватывающий из темноты белое тельце лиса, бесшумно скользящего по сугробам.

Ху Ян шумно сглотнул и снова потер зябнувшие предплечья поверх теплого халата.

— Сяо Цзю, а если бы я за тобой не пошел? Ты что, собирался лезть в эту темень в одиночку, без огня?

— Но ты ведь пошел, — парировал Ху Пэй. — Пять конов — и твой кошелек пуст.

— Подумаешь! В следующем году заступлю на службу, получу жалованье — вот тогда и отыграюсь, — хорохорился Ху Ян, упрямо пытаясь сохранить лицо.

Ху Пэй остановился у старого колодца, почти целиком занесенного снегом. Белый лис замер прямо у огромного валуна, закрывающего жерло.

Осмотревшись, Ху Пэй повернулся к брату:

— Советую тебе держаться от этих игр подальше. Малая забава тешит душу, большая — разоряет дома и губит жизни.

Если кто-то действительно совершил здесь злодеяние, а затем завалил колодец тяжелой каменной глыбой, в одиночку ему было не справиться. Значит, действовали сообща? Спланированное убийство?

Кругом царили мрак и стужа. Холодный ветер с завыванием проносился сквозь арку в стене.

Ху Ян испуганно заозирался по сторонам.

— Я прибежал сюда играть, когда был маленьким, — невольно понизив голос, заговорил он. — Тут, кроме этого колодца, ничего и нет — пустырь один. Раньше кухарка из Западного сада сажала здесь зелень к обеду. Но в начале года старуха уволилась и уехала к себе в деревню, и с тех пор к осени всё совсем заросло и заброшено.

Ху Пэй негромко вздохнул. От этого звука Ху Ян вздрогнул как натянутая струна.

— Чего это ты вздыхаешь посреди ночи? — недовольно проворчал он, хмурясь.

— Та самая кухарка, о которой ты говоришь, сейчас лежит на дне этого колодца, — Ху Пэй повернул голову и посмотрел в побелевшее лицо опешившего брата. — И судя по всему, её убили ради наживы.

Ху Ян беззвучно хватал ртом воздух, силясь вымолвить хоть слово, и наконец судорожно сглотнул:

— Сяо Цзю... Не пугай меня так, ночь на дворе.

Заметив, что фонарь в руках брата заходил ходуном, Ху Пэй шагнул вперед и аккуратно забрал его.

— Иди, отодвинь валун, — полушутя предложил он.

— Ни за что! — Ху Ян попятился.

Ледяной ветер хлестал по лицу, а тусклый свет фонаря падал снизу вверх на бесстрастное лицо Ху Пэя. У его ног багровыми углями тлели глаза лиса. В эту секунду Ху Яну показалось, что его младший брат — вовсе не человек, а зловещий оборотень. Сердце бешено колотилось в груди, готовое выпрыгнуть наружу.

— Точно не пойдешь? — тихо переспросил Ху Пэй. Он вдруг задорно улыбнулся, обнажив щербинки на месте выпавших молочных зубов, и сделал к брату уверенный шаг. В его темных, бездонных глазах отразились искры далеких звезд.

Его голос, обычно слишком спокойный и не по-детски ровный, зазвучал вкрадчиво и зловеще:

— Ты ведь хорошо знал покойную тетюшку? Она, небось, ласково окликала тебя: «Шестой молодой господин, поди сюда! Я только-только напекла пирогов. Пусть не такие нарядные, как в лавке, зато горячие, сладкие да пышные — пальчики оближешь. Ну-ка, отведай кусочек!»

Ху Ян почувствовал, как к горлу подступил удушливый ком. Внезапный порыв ледяного ветра заставил его содрогнуться, а жуткие слова брата и разыгравшееся воображение довершили дело. Страх накрыл его с головой, вытесняя остатки здравого смысла. Не выдержав напряжения, он истошно заорал:

— А-а-а-а!!!

С глухим стуком он рухнул задом прямо в сугроб и замер, судорожно хватая ртом морозный воздух. Его истошный вопль раскатистым эхом пронесся над притихшим Западным садом.

Немного придя в себя, Ху Ян и сам устыдился: взрослый детина, без пяти минут воин, испугался до полусмерти мальчишки-девятилетки и сел в лужу — точнее, в снег.

Ху Пэй убрал ладонь, которой только что незаметно коснулся руки брата, и слегка поморщился, потирая зазвеневшее ухо.

— Это твой крик, шестой брат, сейчас всех распугает, — невозмутимо заметил он.

— Кхе-кхе... — Ху Ян попытался встать, но колени предательски подгибались.

Увидев, что Ху Пэй протягивает ему руку, он со злостью шлепнул по ней ладонью и прохрипел своим низким голосом:

— Ху Пэй, чтоб тебя! Ты совсем с ума сошел? Я чуть Богу душу не отдал!

— Эй! Есть там кто? — раздалось встревоженные голоса из темноты.

К заброшенному колодцу спешила толпа слуг и господ с зажженными фонарями. Прибежали даже перепуганные Ху Юньшань и Ху Юньлин. Мрак мгновенно рассеялся под десятками дрожащих огней.

Кое-как поднявшись на ноги, Ху Ян ткнул пальцем в стоявшего с невозмутимым видом Ху Пэя:

— Он...

Но встретившись с его безмятежным, глубоким взглядом, Ху Ян осекся и поспешно перевел палец на закрытый колодец:

—...то есть тут... в колодец только что прыгнула какая-то тварь! Я так испугался, что не сдержался и закричал.

— Фу-у-у, ну и трус же ты, шестой брат, — боязливо пролепетала Ху Юньшань, прячась за спину своей горничной.

Ху Кунь, чьи карманы лопались от выигранного серебра, пребывал в отличном расположении духа. Сделав несколько шагов вперед, он проворчал:

— Что за вздор? Чего вас вообще понесло в эту глушь среди ночи? Гуляли бы себе в освещенной усадьбе.

Но Ху Тан лишь раздраженно хмыкнул:

— Старший брат, не мели чепуху. Шестой никогда не врет. Если говорит, что видел что-то, значит, так оно и есть. Раз уж все здесь собрались, давайте сдвинем плиту да заглянем внутрь. Чего гадать?

Ху Кунь недовольно нахмурился. Столь массивный валун намертво закрывал колодец. Какая тварь могла просочиться сквозь него посреди зимы? Было очевидно: Ху Тан просто злился из-за проигранных денег и теперь нарочно спорил по любому поводу.

Сообразительная Хуан Сянь, поймав мимолетный взгляд Ху Пэя, бесцеремонно толкнула локтем застывшего рядом Минчжао:

— Ну-ка, пошли, подсобишь глыбу сдвинуть!

Лицо Минчжао было бледнее снега. Из-за позорного проигрыша в павильоне его и так прошиб холодный пот, а под порывами ледяного ветра он теперь дрожал как осиновый лист. В его мутных глазах сквозил неприкрытый страх.

— Здесь слишком холодно и сыро... — скороговоркой выпалил слуга, пятась. — Шестой и девятый молодые господа могут простудиться. Давайте лучше вернемся в тепло, господа.

Ху Тан удивленно вскинул брови. Он отлично знал трусливый нрав своего слуги, но такое рвение увести господ обратно показалось ему крайне подозрительным. Прищурившись, он принялся пристально разглядывать Минчжао. Тот, явно чувствуя за собой вину, сжался и упорно отводил взгляд.

Тем временем Хуан Сянь уже подтащила к колодцу двоих дюжих слуг. Навалившись гурьбой, они сдвинули тяжелый валун, который с глухим стуком повалился на бок, зарывшись в сугроб.

— Ух ты! — весело воскликнула Хуан Сянь, отряхивая ладони. — Такую глыбу в одиночку точно на колодец не взгромоздить. Тут как минимум пара крепких мужиков нужна!

Девчушка была не из трусливых. Пока остальные жались в стороне, не решаясь подойти к темному жерлу, она вытащила из кармана шелковый платок, подожгла его от пламени фонаря и хладнокровно швырнула вниз. В ту же секунду из колодца вырвался яркий столб зловещего зеленого огня.

— А-а-а-а! — истошно завопили девушки.

Ху Юньшань, Ху Юньлин и их горничные отшатнулись от страшного призрачного пламени и, цепляясь друг за друга, бросились наутек.

Молодые господа и оставшиеся слуги тоже оцепенели от ужаса. Хоть они и не сбежали, но заметно струхнули и поспешили сплотиться в плотную кучу.

Изумрудное пламя погасло так же быстро, как и вспыхнуло. Хуан Сянь бесстрашно заглянула в зияющую пустоту колодца.

— Ой-ой-ой! Мамочки, как страшно! — нарочито громко вскрикнула она и в два прыжка оказалась за спиной Ху Пэя, ухватившись за его подол рядом с Ху Яном.

И надо же — оба великовозрастных труса почему-то решили, что невысокий Ху Пэй сможет уберечь их от любой напасти!

Хуан Сянь к этому моменту уже всё прекрасно поняла. Ху Пэй взял её с собой вовсе не забавы ради — он привел её делать грязную работу. Она отлично знала тех двоих, что сгнили в колодце, и одного взгляда на испуганные лица слуг было достаточно, чтобы понять, чьих рук это дело.

Едва сдерживая смех, Хуан Сянь крикнула бледным господам:

— Там внизу лежат два вскрытых, раздувшихся трупа! Сгнили совсем!

Ху Чэнь и Ху Тан мгновенно позеленели от страха и поспешно вытолкнули своих слуг вперед, заслоняясь ими как щитами.

Ху Кунь нахмурился, чувствуя, как внутри нарастает нехорошее предчувствие. Чтобы придать себе уверенности, он громко выкрикнул:

— Вздор! Что за глупости!

Видя, что никто не двигается с места, он вырвал фонарь из рук своего слуги Минцина и решительно шагнул к колодцу.

— Молодой господин?! — испуганно вскрикнул Минцин.

Ху Кунь на секунду замешкался, а затем обернулся и приказал:

— Поди сам взгляни, правду ли говорит девчонка.

Минцин смертельно побледнел. Его блуждающий взгляд устремился на Минчжао, который стоял перед Ху Таном и буквально исходил дрожью. Заметив внимание подельника, Минчжао испуганно втянул голову в плечи, пряча лицо в меховом воротнике теплого халата.

Видя такую реакцию слуг, Ху Кунь недовольно цыкнул:

— Трус нещадный. Позорище!

Он сам вытянул руку с фонарем над черным зевом и, осторожно наклонившись, заглянул вглубь. Разобрать что-либо в полутьме было невозможно. Свежий морозный воздух и кружащийся снег надежно заглушали любые посторонние запахи, а брошенный Хуан Сянь платок давно ушел на дно, и остатки фосфорного порошка погасли.

— Старший брат, лучше вели слугам принести факел и спуститься вниз, — негромко произнес Ху Пэй. Он отвел взгляд от безмолвно переглядывающихся Минчжао и Минцина и посмотрел на помрачневшего Ху Куня.

Тем временем переполох в Западном саду нарастал. Бегство перепуганных барышень переположило старейшин обеих ветвей усадьбы.

Это был первый раз, когда Ху Пэй присутствовал на семейном ужине у родственников из второй ветви. Его отец, Ху Юньшэнь, так и не лег спать, дожидаясь возвращения сына.

Услышав доносившийся из Западного сада шум, он поспешно вышел из покоев. Первая госпожа Ху наотрез отказалась оставаться дома, и супруги вместе поспешили к месту происшествия.

Понимая, что дело приняло серьезный оборот, Ху Пэй мягко высвободил свой воротник из мертвой хватки брата.

— Шестой брат, здесь уже полно народу. Бояться больше нечего.

Ху Ян криво усмехнулся и, повернувшись к Хуан Сянь, упавшим голосом спросил:

— Там действительно...

— Ага, — преспокойно кивнула та. — Судя по обрывкам одежды, это кухарка из Западного сада, матушка Чжан. А второй — мужчина... О, точно! Это же Минхэ, тот самый, что постоянно ходил играть в кости вместе с Минчжао.

И она с самым невинным видом ткнула пальцем прямо в побелевшего Минчжао.

Все мало-мальски важные слухи в усадьбе никогда не ускользали от ушей здешних птиц и мышей, а те частенько делились ими с Хуан Сянь. Полезные то были сведения или пустая болтовня — неважно, но память у бессмертной хорьковой девы была отменная. О гибели матушки Чжан и Минхэ она знала лишь понаслышке, но отлично помнила, как видела их ссорящимися на этом самом пустыре незадолго до исчезновения. Теперь, когда Ху Пэй привел её сюда раскрыть преступление, она с готовностью вытащила старые скелеты на свет.

— Вранье! — Минчжао сжал кулаки и, перестав прятаться, вскинул голову. — Минхэ еще в середине года уволился и уехал на родину!

Хуан Сянь скрестила руки на груди. Несмотря на свой малый рост, она держалась куда увереннее всех взрослых мужчин в саду. Медленно подойдя к Минчжао, она заглянула ему прямо в глаза:

— Разве? А не ты ли проигрался в пух и прах, позарился на их сбережения, а потом хладнокровно прирезал матушку Чжан и своего дружка Минхэ? И разве не ты собирался отправить на тот свет... — она небрежно указала пальцем на Минцина, слугу старшего молодого господина Ху Куня, —...вот его?

Минцин еще у ворот почуял неладное. Услышав слова девчонки, он судорожно задышал и уставился на Минчжао полными ужаса глазами.

Сердце Минчжао готово было разорваться от бешеного ритма. Паника окончательно лишила его рассудка, и он, сорвавшись на визг, закричал:

— Ты всё врешь! Это Минцин! Это он убил матушку Чжан!

— Что?! — выдохнула толпа.

Собравшиеся мигом отшатнулись от двоих слуг, образовав вокруг них пустое пространство. Ху Тан, вне себя от ярости, изо всей силы толкнул Минчжао в грудь и прорычал:

— Тварь! Что ты натворил?!

— Молодой господин, это не то, что вы думаете! Всё было не так!.. — Минчжао бросился к ногам Ху Тана, но тот наотмашь пнул его сапогом. Слуга повалился на колени в грязный снег, размазывая слезы по лицу. — Выслушайте меня, умоляю! Это ложь!..

Ху Кунь тем временем поспешно отступил к Ху Пэю, напрочь проигнорировав умоляющий взгляд своего слуги. Минцин сделал было шаг к хозяину, но его ноги словно налились свинцом. Глядя на ползающего в ногах Минчжао, он без сил опустился на колени прямо в сугроб, обхватил себя руками за плечи и мелко затрясся.

К этому моменту к колодцу подоспели и главы семейств, успев услышать взаимные обвинения слуг. Ху Юньшэнь ожёг суровым взглядом своих растерянных младших братьев и зычно скомандовал оцепеневшим слугам:

— Довольно! Живо несите факелы и спускайтесь в колодец. Если там действительно тела — немедленно поднять их наверх. Остальным... — он обернулся к толпе родственников, — ...немедленно разойтись! Страже — взять под караул этих двоих мерзавцев. Все господа идут со мной в главный зал Восточного сада!

Почувствовав, что дело пахнет плахой, перепуганные гости поспешно потянулись прочь. Ху Юньшэнь отправил супругу обратно в покои, а сам остался стоять на пронизывающем ветру вместе со своими братьями. Под его строгим надзором стражники намертво скрутили трясущихся Минцина и Минчжао, пока остальные слуги со страхом готовились лезть на дно темного заброшенного колодца.